

Аркадий Аверченко

Веселые устрицы

Юмористические рассказы

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А19

А19 **Аверченко А.Т.**
Веселые устрицы: Юмористические рассказы / Аркадий Аверченко – М.:
Книга по Требованию, 2021. – 207 с.

ISBN 978-5-517-83606-9

ISBN 978-5-517-83606-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

АВТОБІОГРАФІЯ.

Еще за пятнадцать минутъ до рожденія я не зналъ, что появлюсь на бѣлый свѣтъ. Это само по себѣ пустячное указаніе я дѣлаю лишь потому, что желаю опередить на четверть часа всѣхъ другихъ замѣчательныхъ людей, жизнь которыхъ съ утомительнымъ однообразіемъ описывалась непремѣнно съ момента рожденія. Ну, вотъ.

Когда акушерка преподнесла меня отцу, онъ, съ видомъ знатока, осмотрѣлъ то, что я изъ себя представлялъ, и воскликнулъ:

— Держу пари на золотой, что это мальчишка!

— Старая лисица! — подумалъ я, внутренно усмѣхнувшись, — ты играешь навѣрняка.

Съ этого разговора и началось наше знакомство, а потомъ и дружба.

Изъ скромности я остерегусь указать на тотъ фактъ, что въ день моего рожденія звонили въ колокола и было всеобщее народное ликованіе. Злые языки связывали это ликованіе съ какимъ-то большимъ праздникомъ, совпавшимъ съ днемъ моего появленія на свѣтъ, но—я до сихъ поръ не понимаю—при чемъ здѣсь еще какой-то праздникъ?

Приглядѣвшись къ окружающему, я рѣшилъ, что мнѣ нужно, первымъ долгомъ, вырасти. Я исполнялъ это съ такимъ тщаніемъ, что къ восьми годамъ увидѣлъ однажды отца, берущимъ меня за руку. Конечно, и до этого отецъ неоднократно бралъ меня за указанную конечность, но

предыдущія попытки являлись не болѣе, какъ реальными симптомами отеческой ласки. Въ настоящемъ же случаѣ онъ, кромѣ того, нахлобучилъ на головы себѣ и мнѣ по шляпѣ—и мы вышли на улицу.

— Куда это насъ черти несутъ?—спросилъ я съ прямой, всегда меня отличавшей.

— Тебѣ надо учиться.

— Очень нужно! Не хочу учиться.

— Почему?

Чтобы отвязаться, я сказалъ первое, что пришло въ голову:

— Я боленъ.

— Что у тебя болитъ?

Я перебралъ на память всѣ свои органы и выбралъ самый нѣжный:

— Глаза.

— Гм... Пойдемъ къ доктору.

Когда мы явились къ доктору, я наткнулся на него, на его пациента и свалилъ маленькій столикъ.

— Ты, мальчикъ, ничего рѣшительно не видишь?

— Ничего,—отвѣтилъ я, утаивъ хвостъ фразы, который докончилъ въ умѣ:

— ...хорошаго въ ученьи.

Такъ я и не занимался науками.

*

Легенда о томъ, что я мальчикъ больной, хилый, который не можетъ учиться—росла и укрѣплялась, и больше всего заботился объ этомъ я самъ.

Отецъ мой, будучи по профессіи купцомъ, не обращалъ на меня никакаго вниманія, такъ какъ по горло былъ занятъ хлопотами и планами: какимъ бы образомъ поскорѣе разориться? Это было мечтой его жизни и нужно отдать ему полную справедливость—добрый старикъ достигъ своихъ стремленій самымъ безукоризненнымъ образомъ. Онъ это сдѣлалъ при соучастіи цѣлой плеяды воровъ, ко-

торые обворовывали его магазинъ, покупателей, которые брали исключительно и планомерно въ долгъ, и—пожаровъ, испепелявшихъ тѣ изъ отцовскихъ товаровъ, которые не были растащены ворами и покупателями.

Воры, пожары и покупатели долгое время стояли стѣной между мной и отцомъ, и я такъ и остался бы неграмотнымъ, если бы старшимъ сестрамъ не пришла въ голову забавная, сулившая имъ массу новыхъ ощущений, мысль: заняться моимъ образованіемъ. Очевидно, я представлялъ изъ себя лакомый кусочекъ, такъ какъ изъ-за весьма сомнительнаго удовольствія освѣтить мой лѣнивый мозгъ свѣтомъ знанія—сестры не только спорили, но однажды даже вступили въ рукопашную, и результатъ схватки—вывихнутый палецъ—нисколько не охладилъ преподавательскаго пыла старшей сестры Любы.

Такъ, — на фонѣ родственной заботливости, любви, пожаровъ, воровъ и покупателей—совершался мой ростъ и развивалось сознательное отношеніе къ окружающему.

*

Когда мнѣ исполнилось 15 лѣтъ, отецъ, съ сожалѣніемъ распростившійся съ ворами, покупателями и пожарами, однажды сказалъ мнѣ:

— Надо тебѣ служить.

— Да я не умѣю, — возразилъ я, по своему обыкновенію, выбирая такую позицію, которая могла гарантировать мнѣ полный и безмятежный покой.

— Вздоръ!—возразилъ отецъ. — Сережа Зельцеръ не старше тебя, а онъ уже служить!

Этотъ Сережа былъ самымъ большимъ кошмаромъ моей юности. Чистенькій, аккуратный иѣмчикъ, нашъ сосѣдъ по дому, Сережа съ самаго ранняго возраста ставился мнѣ въ примѣръ, какъ образецъ выдержанности, трудолюбія и аккуратности.

— Посмотри на Сережу, — говорила печально мать. — Мальчикъ служить, заслуживаетъ любовь начальства, умѣ-

еть поговорить, въ обществѣ держится свободно, на гитарѣ играетъ, поетъ... А ты?

Обезкураженный этими упреками, я немедленно подходилъ къ гитарѣ, висѣвшей на стѣнѣ, дергалъ струну, начиналъ визжать пронзительнымъ голосомъ какую-то невѣдомую пѣсню, старался, «держаться свободнѣе», шаркая ногами по стѣнамъ, но—все это было слабо, все было второго сорта. Сережа оставался недосыгаемъ!

— Сережа служить, а ты еще не служишь...—упрекнулъ меня отецъ.

— Сережа, можетъ быть, дома лягушекъ ѣсть, — возразилъ я, подумавъ.—Такъ и мнѣ прикажете?

— Прикажу, если понадобится!—гаркнулъ отецъ, стуча кулакомъ по столу.—Черртъ возьми! Я сдѣлаю изъ тебя шелкового!

Какъ человѣкъ со вкусомъ, отецъ изъ всѣхъ матерій предпочиталъ шелкъ, и другой матеріалъ для меня казался ему неподходящимъ.

*

Помню первый день моей службы, которую я долженъ былъ начать въ какой-то сонной транспортной конторѣ по перевозкѣ кладей.

Я забрался туда чуть ли ни въ восемь часовъ утра и засталъ только одного человѣка въ жилетѣ безъ пиджака—очень привѣтливаго и скромнаго.

— Это, навѣрное, и есть главный агентъ,—подумалъ я.

— Здравствуйте!—сказалъ я крѣпко пожимая ему руку.—Какъ дѣлишки?

— Ничего себѣ. Садитесь, поболтаемъ!

Мы дружески закурили папиросы, и я завелъ дипломатичный разговоръ о своей будущей карьерѣ, рассказавъ о себѣ всю подноготную.

Неожиданно сзади насъ раздался рѣзкій голосъ:

— Ты что же, болванъ, до сихъ поръ даже пыли не стеръ?!

Тотъ, въ комъ я подозрѣвалъ главнаго агента, съ крикомъ испуга вскочилъ и схватился за пыльную тряпку. Начальнической голосъ вновь пришедшаго молодого человѣка убѣдилъ меня, что я имѣю дѣло съ самымъ главнымъ агентомъ.

— Здравствуйте, — сказалъ я. — Какъ живете-можете? (общительность и свѣтскость по Сережѣ Зельцеру.)

— Ничего, — сказала молодой господинъ. — Вы нашъ новый служащій? Ого! Очень радъ!

Мы дружески разговорились и даже не замѣтили, какъ въ контору вошелъ человѣкъ среднихъ лѣтъ, схватившій молодого господина за плечо и рѣзко крикнувшій во все горло:

— Такъ то вы, льявольскій дармоѣдъ, заготовляете реестра? Выгоню я васъ, если будете лодырничать!

Господинъ, принятый мною за главнаго агента, поблѣднѣлъ, опустилъ печально голову и побрелъ за свой столъ. А главный агентъ опустился въ кресло, откинулся на спинку и сталъ переважно спрашивать меня о моихъ талантахъ и способностяхъ,

— Дуракъ я, — думалъ я про себя. — Какъ я могъ не разобрать раньше, что за птицы мои предыдущіе собесѣдники. Вотъ этотъ начальникъ — такъ начальникъ! Сразу ужъ видно!

Въ это время въ передней послышалась возня.

— Посмотрите, кто тамъ? — попросилъ меня главный агентъ.

Я выглянулъ въ переднюю и успокоительно сообщилъ:

— Какой то плюгавый старичишка стягиваетъ пальто.

Плюгавый старичишка вошелъ и закричалъ:

— Десятый часъ, а никто изъ васъ ни черта не дѣлаетъ!! Будетъ ли когда нибудь этому конецъ?!

Предыдущій важный начальникъ подскочилъ, въ креслѣ какъ мячъ, а молодой господинъ, названный имъ до того, «лодыремъ», предупредительно сообщилъ мнѣ на ухо:

— Главный агентъ притащился.
Такъ я началъ свою службу.

✱

Прослужилъ я годъ, все время самымъ постыднымъ образомъ плетясь въ хвостъ Сережи Зельцера. Этотъ юноша получалъ 25 рублей въ мѣсяцъ, когда я получалъ 15, а когда и я дослужился до 25 рублей—ему дали сорокъ, Ненавидѣлъ я его, какъ какого то отвратительнаго, вымытаго душистымъ мыломъ паука...

Шестнадцати лѣтъ я разстался со своей сонной транспортной конторой и уѣхалъ изъ Севастополя (забылъ сказать—это моя родина) на какіе то каменноугольные рудники. Это мѣсто было наименѣе для меня подходящимъ и потому, вѣроятно, я и очутился тамъ по совѣту своего опытнаго въ житейскихъ передрягахъ отца...

Это былъ самый грязный и глухой рудникъ въ свѣтѣ. Между осенью и другими временами года разница заключалась лишь въ томъ, что осенью грязь была тамъ выше колѣнъ, а въ другое время—ниже.

И всѣ обитатели этого мѣста пили, какъ сапожники, и я пилъ не хуже другихъ. Населеніе было такое небольшое, что одно лицо имѣло цѣлую уйму должностей и занятій. Поваръ Кузьма былъ въ то же время и подрядчикомъ и попечителемъ рудничной школы, фельдшеръ былъ акушеркой, а когда я впервые пришелъ къ извѣстнѣйшему въ тѣхъ краяхъ, парикмахеру, жена его просила меня немного обождать, такъ какъ супругъ ея пошелъ вставлять кому то стекла, выбитыя шахтерами въ прошлую ночь.

Эти шахтеры (углекопы) казались мнѣ тоже престраннымъ народомъ: будучи, большей частью, бѣглыми съ каторги, паспортовъ они не имѣли, и отсутствіе этой непремѣнной принадлежности россійскаго гражданина заливали съ горестнымъ видомъ и отчаяніемъ въ душѣ—цѣлымъ моремъ водки.

Вся ихъ жизнь имѣла такой видъ, что рождались они

для водки, работали и губили свое здоровье непосильной работой—ради водки, и отправлялись на тотъ свѣтъ при ближайшемъ участіи и помощи той же водки...

Однажды ѣхалъ я передъ Рождествомъ съ рудника въ ближайшее село и видѣлъ рядъ черныхъ тѣлъ, лежавшихъ безъ движенія на всемъ протяженіи моего пути; попадались по-двое, по-трое черезъ каждые 20 шаговъ.

— Что это такое?—изумился я.

— А шахтеры,—улыбнулся сочувственно возница.— Горилку куповали у селѣ. Для Божьяго праздничку.

— Ну?

— Тай не донесли. На мѣстѣ высмоктали. Ось какъ!

Такъ мы и ѣхали мимо цѣлыхъ залежей мертвецки пьяныхъ людей, которые обладали, очевидно, настолько слабой волей, что не успѣвали даже добѣжать до дому, сдаваясь охватившей ихъ глотки палящей жаждѣ тамъ, гдѣ эта жажда ихъ застигала. И лежали они въ спѣгу, съ черными безсмысленными лицами, и если бы я не зналъ дороги до села, то нашелъ бы ее по этимъ гигантскимъ чернымъ камнямъ, разбросаннымъ гигантскимъ мальчишкой—съ-пальчикомъ на всемъ пути.

Народъ это былъ, однако, по большей части, крѣпкій, закаленный, и самые чудовищные эксперименты надъ своимъ грязнымъ тѣломъ обходились ему, сравнительно, дешево. Проламывали другъ другу головы, уничтожали начисто носы и уши, а одинъ смѣльчакъ даже взялся однажды на заманчивое пари (безъ сомнѣнія—бутылка водки) съѣсть динамитный патронъ. Продѣлавъ это, онъ въ теченіе двухъ, трехъ дней, несмотря на сильную рвоту, пользовался самымъ бережливымъ и заботливымъ вниманіемъ со стороны товарищей, которые все боялись, что онъ взорвется.

По минованіи же этого страннаго карантина—былъ онъ жестоко избитъ.

Служащіе конторы отличались отъ рабочихъ тѣмъ, что меньше дрались и больше пили. Все это были люди, по большей части отвергнутые всѣмъ остальнымъ свѣтомъ

за бездарность и неспособность къ жизни и, такимъ образомъ, на нашемъ маленькомъ, окруженномъ неизмѣримыми степями, островкѣ собралась самая чудовищная компанія глупыхъ грязныхъ и бездарныхъ алкоголиковъ, отбросовъ и обгрызковъ брезгливаго бѣлаго свѣта.

Занесенные сюда гигантскою метлою Божьяго произволенія, всѣ они махнули рукою на внѣшній міръ и стали жить, какъ Богъ на душу положитъ. Пили, играли въ карты, ругались презрительными отчаянными словами и во хмелю пѣли что то настойчивое тягучее и танцовали угрюмо сосредоточенно, ломая каблуками полы и извергая изъ ослабѣвшихъ устъ цѣлые потоки хулы на человѣчество.

Въ этомъ и состояла веселая сторона рудничной жизни. Темныя ея стороны заключались въ каторжной работѣ, шаганіи по глубочайшей грязи изъ конторы въ колонію и обратно, а также въ отсиживаніи въ кордегардіи по цѣлому ряду диковинныхъ протоколовъ, составленныхъ пьянымъ урядникомъ.

*

Когда правленіе рудниковъ было переведено въ Харьковъ, туда же забрали и меня, и я ожилъ душой и окрѣпъ тѣломъ...

По цѣлымъ днямъ бродилъ я по городу, нахлобучивъ шляпу на бекрень и независимо насвистывая самые захватскіе мотивы, подслушанные мною въ лѣтнихъ шантанахъ—мѣстѣ, которое восхищало меня сначала до глубины души...

Работалъ я въ конторѣ преотвратительно, и до сихъ поръ недоумѣваю: за что держали меня тамъ шесть лѣтъ, лѣниваго, смотрѣвшаго на работу съ отвращеніемъ и по каждому поводу вступавшаго не только съ бухгалтеромъ, но и директоромъ въ длинные ожесточенные споры и полемику.

Вѣроятно, потому, что былъ я превеселымъ, радостно глядящимъ на широкій Божій міръ человѣкомъ, съ готов-

ностью откладываявшимъ работу для смѣха, шутокъ и ряда замысловатыхъ анекдотовъ, что освѣжало окружающихъ, погрязшихъ въ работѣ, скучныхъ счетахъ и дрязгахъ...

*

Литературная моя дѣятельность была начата въ 1905 году и была она, какъ мнѣ казалось, сплошнымъ триумфомъ. Во-первыхъ, я написалъ рассказъ... Во-вторыхъ, я отнесъ его въ «Южный край». И въ-третьихъ, (до сихъ поръ я того мнѣнія, что въ рассказѣ это самое главное), въ-третьихъ, онъ былъ напечатанъ!

Гонорара я за него почему-то не получилъ и это тѣмъ болѣе несправедливо, что едва онъ вышелъ въ свѣтъ, какъ подписка и розница газеты сейчасъ же удвоилась...

Тѣ же самые завистливые, злые языки, которые пытались связать день моего рожденія съ какимъ-то еще другимъ праздникомъ—связали и фактъ поднятія розницы съ началомъ Русско-Японской войны.

Ну, да мы-то, читатель, знаемъ съ вами, гдѣ истина...

Написавъ за два года четыре разсказа, я рѣшилъ, что поработалъ достаточно на пользу родной литературы и рѣшилъ основательно отдохнуть, но подкатился 1905 годъ и, подхвативъ меня, закрутилъ, какъ шепку.

Я сталъ редактировать журналъ «Штыкъ», имѣвшій въ Харьковѣ большой успѣхъ, и совершенно забросилъ службу... Лихорадочно писалъ я, рисовалъ карикатуры, редактировалъ и корректировалъ, и на девятомъ номерѣ дорисовался до того, что генераль-губернаторъ Пѣшковъ оштрафовалъ меня на 500 рублей, мечтая, что немедленно заплачу ихъ изъ карманныхъ денегъ.

Я отказался по многимъ причинамъ, главныя изъ которыхъ были: отсутствіе денегъ и нежеланіе потворствовать капризамъ легкомысленнаго администратора.

Увидѣвъ мою непоколебимость (штрафъ былъ безъ замѣны тюремнымъ заключеніемъ), Пѣшковъ спустилъ цѣну до ста рублей.

Я отказался.

Мы торговались, какъ маклаки, и я являлся къ нему чуть не десять разъ. Денегъ ему такъ и не удалось выжать съ меня!

Тогда онъ, обидѣвшись, сказалъ:

— Одинъ изъ насъ долженъ уѣхать изъ Харькова!

— Ваше превосходительство!—возразилъ я.—Давайте предложимъ харьковцамъ: кого они выберутъ?

Такъ какъ въ городѣ меня любили и даже до меня доходили смутные слухи о желаніи гражданъ увѣковѣчить мой образъ постановкой памятника, — то г. Пѣшковъ не захотѣлъ рисковать своей популярностью.

И я уѣхалъ, успѣвъ все-таки до отъѣзда выпустить 3 номера журнала «Мечъ», который былъ такъ популяренъ, что экземпляры его можно найти даже въ Публичной библіотекѣ.

Въ Петербургъ я пріѣхалъ какъ разъ на Новый годъ. Опять была иллюминація, улицы были украшены флагами, транспарантами и фонариками. Но я ужъ ничего не скажу! Помолчу.

И такъ меня иногда упрекаютъ, что я думаю о своихъ заслугахъ больше, чѣмъ это требуется обычной скромностью. А я — могу дать честное слово, — увидѣвъ всю эту иллюминацію и радость, сдѣлалъ видъ, что совершенно не замѣчаю невинной хитрости и сантиментальныхъ, простодушныхъ попытокъ муниципалитета скрасить мой первый пріѣздъ въ большой незнакомый городъ... Скромно, инкогнито, сѣлъ на извозчика и инкогнито поѣхалъ на мѣсто своей новой жизни.

И вотъ—началъ я ее.

Первые мои шаги были связаны съ основаннымъ нами журналомъ «Сатириконтъ», и до сихъ поръ я люблю, какъ собственное дитя, этотъ прекрасный, веселый журналъ. (въ годъ 6 руб., на полгода 3 руб.).